

Согласно словам маркиза Цзиннина, когда он служил в армии, большинство солёных утиных яиц, которые он ел, имели горький вкус или неприятный запах, и из десяти примерно половина не имела маслянистого слоя. Он полагал, что все солёные утиные яйца в мире такие... Только теперь он узнал, что в южных регионах метод засолки отличается, и сам захотел попробовать.

Император Юаньтай сначала нашёл это забавным, но, услышав о военных временах, его улыбка постепенно исчезла, и в конце осталась лишь полная тишина, лёгкая грусть и едва уловимое чувство вины.

Янь Сяохань, заметив, что император молчит, словно погрузился в свои мысли, тихо произнёс:

— Ваше Величество?

Император Юаньтай слегка закрыл глаза и пробормотал:

— Маркиз Цзиннин, Фу Цзинъюань...

В те дни, когда он с Золотой террасы провожал взглядом удаляющуюся фигуру молодого генерала, его чувства были так похожи на нынешние. Только тогда никто из них не мог представить, что в конечном итоге маркиз Цзиннин и император Юаньтай окажутся на совершенно противоположных сторонах.

С того момента пути назад уже не было.

Спустя долгое время император Юаньтай наконец произнёс:

— Через некоторое время, на праздновании моего дня рождения, позволь ему вернуться.

Янь Сяохань опустил взгляд, скрывая мелькнувшую в глазах насмешку, и почтительно ответил:

— Благодарю Ваше Величество за милость.

— Больше ничего нет, можешь идти.

Янь Сяохань снова поклонился и уже собирался удалиться, как вдруг император Юаньтай неожиданно остановил его, задав странный вопрос:

— А как там у Фу Шэня с солёными утиными яйцами... получилось?

Янь Сяохань остановился, немного подумал и ответил:

— Если честно, Ваше Величество, по моему скромному мнению, возможно... не очень.

Император Юаньтай выпрямился:

— Хм? Расскажи.

— Сила в руках слишком велика, — спокойно сказал Янь Сяохань. — Корзина с яйцами ещё не была запечатана, а он уже раздавил два.

Император Юаньтай наконец рассмеялся. Янь Сяохань поклонился и вышел из зала.

Весенний тёплый ветерок дул ему в спину, но он всё равно чувствовал лёгкий холод. Янь Сяохань шёл один по дворцовой дороге из серого кирпича, и чем больше он думал, тем больше находил всё это ироничным. В конце концов он даже не смог сдержать смеха.

Проходящие мимо служанки и евнухи, увидев его безумный вид и жуткий смех, испугались и держались подальше, не решаясь подойти, боясь навлечь на себя гнев этого сумасшедшего.

Император Юаньтай действительно стал старше, научился сожалеть и тосковать.

Беспорядки, устроенные Гвардией Цзинью, он сам не мог уладить, и потому решил вернуть Янь Сяохани. Теперь император наконец понял, кто действительно является полезным и способным чиновником. Чувствуя, что поступил несправедливо с Янь Сяоханем, он вспомнил о Фу Шэне, и, поддавшись на слова Янь Сяохани, в его железном сердце зародилось крошечное чувство вины.

Возможно, в его представлении Фу Шэнь всегда был жёстким, редко уступал, поэтому его решение покинуть столицу и спокойно жить в деревне, занимаясь засолкой утиных яиц, казалось императору редким проявлением уступчивости. Именно поэтому он смог снизить до жалости к этому отставному генералу-инвалиду и даже проявил снисхождение, дав ему возможность вернуться в столицу.

— Это просто смешно, — подумал Янь Сяохань с непочтительностью. — Почему ты не задумаешься, кто довёл его до такого состояния?

Но император оставался императором, чувство вины было мимолетным, а подозрения никогда не исчезали. Янь Сяохань знал, что император не мог допустить, чтобы Фу Шэнь преуспевал, даже в засолке утиных яиц.

К счастью, не нужно было делать много уступок, достаточно было просто сказать, что засолка не удалась, и император сам бы удовлетворил свои фантазии и подозрения — Фу Шэнь в конце концов был всего лишь человеком, пусть даже талантливым полководцем, но на поле боя он не смог бы даже солёное яйцо засолить.

Эта логика была настолько глупой, что вызывала смех, но именно это уродливое удовлетворение могло приоткрыть щель в железных оковах, сковывающих Фу Шэня.

В некотором смысле Янь Сяохань и Фу Шэнь были идеальной парой. Фу Шэнь был талантливым полководцем, а Янь Сяохань — мастером манипуляций. Их способность выживать в безвыходных ситуациях и переворачивать ситуацию в свою пользу была поразительно схожей.

Пройдя несколько десятков шагов на север от дворцовых ворот, он оказался у Управы Стражи Летящего Дракона. Янь Сяохань скрыл улыбку, вошёл внутрь, и все, кто сидел в зале, словно увидели что-то необычное, встали:

— Господин!

— Господин вернулся!

— Слава Небесам!

Янь Сяохань удивился:

— Хм? За что благодарить?

Самый молодой член Стражи Летящего Дракона, Тан Го, отвечавший за Северную тюрьму и суд, был честным и прямолинейным парнем. Услышав вопрос Янь Сяохани, он сразу же без колебаний выдал своих коллег:

— Они говорили, что вы эти дни не появлялись, потому что вас унесло привидение, чтобы выпить вашу жизненную энергию. Теперь, когда вы вернулись, конечно, нужно поблагодарить Небеса за защиту.

Сказав это, он набожно произнёс:

— Намо Амитофо.

Янь Сяохань: «...»

Во дворе воцарилась мёртвая тишина. Вэй Сюйчжоу и другие, будучи преданными, автоматически выстроились вдоль стены, опустив головы, как будто они были в полной растерянности.

Янь Сяохань, разозлившись, усмехнулся:

— Отлично, моё свадебное вино пролилось в собачьи желудки? Я считаю до трёх, все сами знают, что делать.

После трёх счётов все члены Стражи Летящего Дракона дружно запрыгнули на стену, словно ряд больших обезьян, с грустными лицами сидели на узком парапете.

Это был один из коварных приёмов, которые Янь Сяохань придумал после назначения Императорским инспектором. На севере находилось не только Управление Стражи Летящего Дракона, но и другие военные учреждения, все они располагались на одной улице. Каждый, кто проходил мимо, мог поднять голову и увидеть генералов, развевающихся на ветру на вершине стены.

Из-за стены доносились насмешливые голоса:

— Эй, старик Вэй, опять вас Императорский инспектор на стену повесил?

Тан Го, предавший своих коллег, поднял голову, чтобы полюбоваться зрелищем, затем повернулся, чтобы уйти, но увидел, что Янь Сяохань всё ещё стоит на месте:

— Маленький Тан, куда ты?

Тан Го невинно посмотрел на него.

Янь Сяохань сказал:

— Ты тоже виноват. Влезай.

Тан Го совсем не понимал, с обидой спросил:

— Почему?

— Чтобы ты запомнил, — безжалостно сказал Янь Сяохань. — Если ты будешь верить всему, что говорят, тебя рано или поздно обманут, и от тебя ничего не останется.

[Авторское примечание: Один безответственный эпилог: Фу Шэнь, услышав об этом, посчитал, что слова Янь Сяохани о том, что он не смог засолить утиные яйца, были клеветой. Поэтому, когда открыли первую партию яиц, он не оставил ни одного Янь Сяоханю. Но в тот день господин Янь всё же получил два яйца.]

— Уже провели вскрытие? Что сказал судебный эксперт?

Тело лежало в подвале Северной тюрьмы, и, поскольку погода становилась теплее, его уже заморозили. Янь Сяохань, не брезгуя грязью, лично осмотрел его. Погибший член Гвардии Цзиньфу был очень худым, с бледным лицом и тёмными кругами под глазами. Он не походил на тренированного гвардейца, скорее на измождённого гуляку.

Янь Сяохань почему-то нашёл его внешность знакомой.

— Причина смерти?

Вэй Сюйчжоу стоял в отдалении:

— Внезапная смерть от истощения — это была смерть в седле. Он скончался на месте, спасти не удалось.

Янь Сяохань осмотрел ладони тела и, конечно же, увидел красные круги, с красными прожилками, сомкнутыми в кольцо — типичные симптомы смерти в седле. Он положил руки обратно и спросил:

— Если причина смерти ясна, что ещё нужно расследовать?

Вэй Сюйчжоу горько усмехнулся:

— Господин, посмотрите внимательнее, неужели вы действительно его не узнаете?

Янь Сяохань притворился, что внимательно рассматривает, и наконец понял:

— Вот почему он мне показался знакомым. Посмотрите на его вид, разве он не похож на И Сымина?

Вэй Сюйчжоу: «... Нет. Господин, этого человека зовут Ян Хэсюань, его отец — военный губернатор Танчжоу Ян Сюй, он племянник императрицы и двоюродный брат наследного принца, так что он в некотором роде член императорской семьи. Поэтому, кроме нас, Стражи Летящего Дракона, кто ещё осмелится взяться за это дело?»

Услышав о наследном принце, Янь Сяохань вспомнил:

— А, из семьи Ян. Генерал Девяти Ворот Ян Сыцзин — его брат?

Вэй Сюйчжоу ответил:

— Именно.

Янь Сяохань усмехнулся, но больше ничего не сказал. Вэй Сюйчжоу, однако, почувствовал странный холод в спине, словно в улыбке их господина скрывался какой-то невысказанный смысл.

Ранее наследный принц предложил императору Юаньгаю назначить Ян Сыцзина и женить его на Фу Шэне. Хотя в конечном итоге император отверг это предложение, это не помешало Янь Сяоханю почувствовать ревность. Он не испытывал никакой симпатии к семье Ян, и, хотя из уважения к умершему он не сказал «сам виноват», но ожидать, что он будет усердно расследовать это дело, было бесполезно.